

Валентина Осколкова

По всем частотам

Небыль непридуманной войны

“...Я
Русич, я
Русич, кто меня
слышит, приём...”

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валентина Осколкова
По всем частотам. Сборник

«Автор»

2020

Осколкова В.

По всем частотам. Сборник / В. Осколкова — «Автор», 2020

От мая 1982 года до июля 2019, от Афгана до Сирии — герои этих историй идут вперёд, до самого конца и ещё дальше. Кто-то возвращается из-за грани, кого-то выводит загадочный мальчишка-Проводник, а кто-то просто хочет понять — и вернуть — родного человека. Однажды эти истории сплетутся в одну, и прозвучит по всем частотам: «Я Русич, я Русич, кто меня слышит, приём...»

© Осколкова В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Выше ноги от земли	6
Папины сны	14
Высота	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валентина Осколкова
По всем частотам. Сборник

По всем частотам

Выше ноги от земли

Грозный, август-декабрь 1999 г.

Мы погибли, мой друг.

Я клянусь, это было прекрасно!

Сергей Калугин

– Любит, не любит, плюнет, поцелует, любит, не любит...

Хохоча, удираю от Лейли, стараясь уберечь пресловутый цветок и узнать-таки, любит или не любит. Мне уже целый месяц, как пятнадцать лет, позади остался десятый класс, и хочется, чтобы эти солнечные дни тянулись вечно. Отец, выбравшийся в этот раз с нами, чинит крышу на террасе и с высоты поглядывает на нас – загорелый, весёлый, в выцветшей тельняшке, и начхать ему, что там про него дедовы соседи подумают. Дед – нена-да по-местному, – ворчливо командует снизу. Мама с бабушкой пекут лепёшки к чаю, и их аромат сводит с ума не хуже взглядов Лейли. Как же так вышло, что «соседская мелочь» вдруг превратилась в такую красавицу? И почему это вижу я один?..

На террасе лежит новенький плеер – запоздалый отцовский подарок на мой день рождения, привезли его отцу друзья аж из Москвы. Неловкое извинение за то, что, восстановившись в армии, отец начал мотаться по полигонам, учениям и командировкам, пропуская все семейные даты.

К подарку прилагается самопальная кассета с любимыми отцовскими песнями – Кино, Алисы и Янки Дягилевой. Цоя и Кинчева я люблю, отец их под гитару часто поёт.

А вот Янку я пока не понимаю – и пойму только гораздо, гораздо позже...

Лейли запыхалась и отстала – и я, перемахнув низенький заборчик, плюхаюсь в траву за кустами, зажимая растрёпанный цветок в кулаке. Замираю, слушая, как перекрикиваются отец с мамой, как в притворной сердитости поминает Аллаха мой нена-да, как зовут домой Лейли. Шумит поодаль кряжистый дуб – мне чудится в этом шелесте чей-то голос. Над землёй, поднимаясь в самое небо, плывёт волшебный аромат маминой выпечки, и смотрит Кто-то сверху – большой, добрый, всесильный, тёплый, как солнечный свет...

Отец вернулся в часть через неделю, а вот мы с мамой, как это обычно бывало, остались у её родителей на всё жаркое, бесконечное лето. Отец звонил раз в неделю – и каждый раз клятвенно обещал приехать забрать нас в конце августа, пока дед, наконец, не заявил оскорблённо, что сам нас в лучшем виде до границы доставит и вообще нечего моему отцу глаза местным мозолить.

То, что за оскорблённым видом пряталась тревога, я тогда ещё не понял.

Да я вообще ничего не замечал, даже того, что местная родня упорно зовёт меня не Огарёвым, а Ассановым, по матери... Осёл влюблённый, одна штука, чего хотите.

В августе отец звонить перестал – сорвался в очередную командировку. Вот такой себе подарочек на День ВДВ...

А двадцать пятого августа вместо него до мамы дозвонились из части, и за чередой сдержанных неловких слов пряталось одно – чёрное, страшное и непоправимое.

Отец больше не позвонит. Не приедет. Не...

Капитан ВДВ Олег Николаевич Огарёв погиб в Дагестане.

Я в тот день играл с местными в футбол – а он вёл бой. Мы смеялись – а он умирал. Это было ужасно, отвратительно несправедливо – вот так узнать об этом неделю спустя!.. Но ничего изменить мы уже не могли.

Тот, сверху, видимо, тоже. Или не захотел. Или – кто знает! – просто отвернулся от нас... От всего города.

Семья Лейли уехала из Грозного через две недели.

Дед, мой упрямый нена-да, медлил до последнего. До тех пор, пока не стало известно, что границы Чечни блокированы российской армией. Нашей армией.

Двадцать третьего... Двадцать третьего сентября мы должны были уже быть в Шали, у двоюродной тётки, но – как там пела Янка?

«Только сказочка хреновая

И конец у ней неправильный:

Змей-Горыныч всех убил и съел...»¹

Маму я похоронил двадцать пятого, ровно через месяц после звонка из части. Шальной осколок, слепая случайность, ангел-хранитель отвлёкся, моргнул неудачно...

Двадцать шестого бомбили где-то совсем рядом. Я сутки отсиживался в подвале, а когда вылез – не узнал родную улицу.

Не знал, что от многоэтажки за день может остаться один бетонный скелет.

Войска вошли на территорию Чечни тридцатого. Российские войска. Наши. А я – чей?..

В октябре я ушёл под землю – да так там и остался, находил сухие углы, лазил по коллекторам, подвалам... Там бомбы не достанут. И люди – или те, кто ими раньше прикидывался. Жил рядом. Улыбался деду... и плевал отцу в спину.

А может, и не плевал, может, как и я, верил в мир. Худой мир, чьё время истекло.

Не осталось ни тех, ни других.

Наш район опустел. Вымер.

...Я бродил по брошенным квартирам, собирая всякое барахло, продавал его потом на рынке в другом районе, выменивая на еду и – вот глупость! – батарейки, которые ценились на вес золота. Но мне казалось, если кассетник перестанет играть – словно отец второй раз умрёт.

Порвётся последняя ниточка.

Конечно, были и те, кто предпочитал просто врезать и отобрать всё, что было... кроме плеера. За плеер я готов был глотку перегрызть.

Не только фигурально...

А потом я у Бека, такого же рыночного барахольщика, выменял на полбуханки хлеба хороший гвоздодёр. Там, под землёй, он был нужен едва ли не чаще ножа, да и на земле – сразу отстали. Даже те, кто про моего отца раньше осмеливался что-то гавкать.

Голодал ли я? До ноября – пожалуй, что и нет. То, что я ел, человеческой едой назвать было сложно, но сдохнуть от голода мне не грозило.

А вот в ноябре... Даже крысы все куда-то подевались – тревожный знак.

Здесь воняет, и преужасно, но мне уже всё равно. В этом углу почти сухо и почти тепло. Если не думать, что выход наглухо завален после недавней бомбёжки, – можно даже считать, что мне повезло. Но это «повезло» – глупость.

Бесмысленная глупость.

Уже который день я даже не встаю. Не ел я – дурную бесконечность, здесь не понять смены дней. Пока были силы доползти до лужи, пил из неё, но потом сил не осталось и на это. Всё, что я мог – могу сейчас – это лежать и наощупь менять батарейки.

В ушах надрывается Янка, жёстко, мрачно – и теперь я её понимаю. Потому что у меня тоже нет никаких шансов не то что до конца этой сумасшедшей войны дотянуть – но и до конца месяца.

А может, даже до завтра.

...В этой вечности наедине с плеером та же глупость, что и в слове «повезло». Я знаю, что Янка ещё будет петь – когда я её уже не услышу.

Жизнь отслаивается от меня, как ненужная шелуха, как старая змеиная кожа, и даже боль отступает. Я плаваю в безвременье, изредка возвращаясь в мир звуков, в мир, где поёт

---

¹ Песня «Выше ноги от земли» Янки Дягилевой. В оригинале вместо «хреновая» было другое слово.

Янка и рвано стучится пульс. Зрение уже пропало – оно и не нужно в темноте, а запахи задавила вонь... к которой я давно привык.

В какой-то момент, словно сквозь сон, я вдруг почувствовал, как рвутся мои связи с этим миром, где было столько боли. Я стал лёгким-лёгким – и кажется, здесь меня удерживает только Янка в наушниках.

Я умер? Нет, ведь я ещё слышу песни.

А потом плеер всё же разрядился, и в наступившей тишине – я ещё не слышал грохота близкой бомбёжки, а тела уже не чувствовал, – мне вдруг окончательно стало ясно, что здесь, в этом дрянном мире, меня уже не держит ничто.

И можно наконец-то выдохнуть... и уйти.

Только уходить так – глупо! Сын офицера, сын десантника-героя, подошедший от голода в канализации?!

Если бы кто-нибудь только мог поменять мою судьбу!.. Если бы... если бы...

Грохот, который я не услышал. Потолок дал трещину, и на меня посыпалась земля. Через несколько взрывов от него отлетел здоровенный кусок. Вспышка – бесконечно-долгая, вне всякого времени. Отчаянный крик в окружающем безмолвии.

Господи, Ты слышишь?! Ты же есть, я знаю!

Может, Ты всё-таки не отвернулся от нас? От этого города... От меня.

Я немного прошу.

Чего Тебе стоит – не жизнь, так хоть смерть – достойную дай! Не крысиную... Человеческую.

Пожалуйста...

Не отворачивайся!

...А дальше была темнота. И надрывная песня Янки.

Выше ноги от земли, выше ноги от земли...

***

– Имя?

– Да ведь в паспорте есть!

– Читать я и без тебя умею. Имя!

– Руслан... Огарёв. Руслан Олегович Огарёв.

– Возраст?

Молчание, потом ответ с неуловимой, непонятной ноткой издёвки:

– Пятнадцать.

– И какого ж рожна ты шатался рядом с позицией нашего взвода?!

Мальчишка, невозмутимо устроившийся у разведённого в помещении костра, поправил замотанные изолентой наушники на шее, из которых непрерывно доносилась какая-то музыка, отставил одну руку в сторону, откинулся и усмехнулся:

– Шёл.

– Почему за бойцами?

– Потому что не видел я их. А там, – кивок в темноту загороженного окна, – есть залаз.

Я под землю возвращался.

– Зачем?

– Я в одном коллекторе... живу, в углу, – снова странная усмешка. – Там сухо.

Лейтенант Рубцов закатил глаза. С этим мальчишкой, похоже, можно битый час разговаривать – и ничего не добиться, кроме этой вот усмешки. Шёл к залазу. Живёт он под землёй, видите ли. А то, что тут войска стоят давно – он почему-то не знает, будто с Луны свалился.

Выпороть бы!.. Да рука не поднимается.

Вот бы старлей заглянул, может, ему удастся разговорить этого... это бледное как смерть недоразумение?

А то даже глядеть на мальчика жалко – сидит скелет в штопанной-перештопанной водолазке, брюки держатся только благодаря ремню, ботинки через пару шагов каши запросят – а за стеной метёт снег. До Нового Года три дня всего осталось.

Старший лейтенант Николаев появился через полчаса. Выслушал доклад, поглядел на парня жалостливо и спросил вдруг дрогнувшим голосом:

– А капитан Олег Огарёв, ну, который в Дагестане... был – не батя тебе часом?

– Отец, – просто согласился пацан, и отчего-то Николаев сразу ему поверил. Словно глазами мальчишки сам Огарёв и глянул, прям как тогда, в горах...

А пацан всё вглядывался в лицо Николаева, словно спрашивая: «Почему я здесь – и сейчас?». Старлей отчего-то не выдержал этого взгляда, отвёл глаза:

– Я ему там жизнь задолжал. И отплатить не сумел...

Мальчик вздрогнул, словно что-то только сейчас понял, и не по возрасту понимающе кивнул.

– Вот оно что... – прошептал он, на секунду прикрывая глаза. И усмехнулся, выпрямившись.

– Руслан... тебе помощь нужна? Из города выбраться? – Сыну своего спасителя Николаев готов был сделать всё, что в его силах было.

О подозрениях Рубцова («Да ты чего, Рубик, в чём этого пацана подозревать собрался?! Да он ходит – шатается!») забыто, даже самим Рубцовым. Было что-то в голосе пацана такое – что верилось.

...Этим пацаном был я.

И удержаться, ничего не рассказать Николаеву было трудно. Но нельзя – и всё тут.

Поэтому я покачал головой – не нужна помощь. Я в городе останусь.

Теперь и выбора-то у меня нет.

– Ну, смотри, здесь будет жарко. А... родственники-то твои где?

– Нена-да... В смысле, деда с роднёй я потерял, когда они из города пытались уехать, мать умерла, невеста с семьёй в Ставрополе.

– В пятнадцать лет невеста?! Ну и нравы... – фыркнул старлей. – А ей сколько же?

– Тринадцать, – я пожал плечами и заставил себя добавить, будто ничего и не было: – Вырастет. Я... подожду.

В собственные слова я больше не верил. А Николаев – верил. Интересное ощущение.

Он забрал меня во временный штаб роты, накормил – мельком подивившись отсутствию аппетита, повспоминал отца моего... Хотел что-то сказать про тот его последний бой – но вместо этого снова предложил из города помочь выбраться.

И снова отказ. Никуда не пойду, а бои под землёй, мол, пересажу.

Глупость? Да.

Веришь, Николаев? Тоже да.

А я – нет.

А утром проснулись – глядь, а меня-то и нету. То ли привиделся, то ли ушмыгнул незаметно. Искать некогда – приказ двигаться.

Прости, старлей.

...Штурмовая группа пошла, следом ещё. Бодренько. Боевики лупят-огрызаются, но близко не подходят – видят, что стоит им показаться, будет им хана.

Два квартала прошли – как по маслу. Николаев хмурится: даже подозрительно.

Третий квартал – и всё по-прежнему, только вторая группа поотстала.

На четвёртом бойцы расслабились немного, думали, проскочат так же легко...

Сначала ещё ничего было, гранатомётчик, Гриха, грамотно обработал все подозрительные места. Но вот стоило сунуться вглубь квартала – превратились улицы в отрезок геенны

огненной не земле. «Чехов» кругом – тьма, со всех сторон, как волков обложили. Только не красные флажки, а мины по бокам падают.

«Вот вам и Новый Год послезавтра. Успеет наступить хоть?» – с тоской подумал Николаев, знаком веля своей штурмовой группе закрепиться во дворах. Без подкрепления двигаться вперёд бессмысленно, личный состав на глазах тает.

Вызвал по рации полковника, доложил. У того голос усталый, помертвевший:

– Подожди, – говорит, – триста пятый. Коробочку пришлю, подмогу.

Старлей заверил, что подождёт, сплюнул на землю. Не дождутся они, коли чуда какого не случится... Боевики просто числом задавят – как только на штурм поднимутся. Это пока не решаются, ждут, боеприпасы тратить заставляют, а как патроны будут заканчиваться – вот тогда и пойдут они, «акбар» свой крича...

Но бойцов Николаев приободрил, передал слова полкана, велел стрелять пореже, экономить патроны.

...Как он и предсказывал, «чехи» на штурм пошли аккурат через час. «Коробочки» – БМД – всё не было. Видать, плотно боевики группу отрезали, не пробиться.

Зачастили пулемёты... И не высунешься – неподалёку залёг снайпер, один из бойцов уже поплатился.

– Гриха, машу-вашу, сними его нахрен! Проверь, вроде на соседнем доме он!

Гриха проверил – крыша дома сложился, как картонная. Туча пыли вместо стаявшего снега.

Вот и нету снайпера, можно вздохнуть свободнее.

Сколько там этих вздохов группе отмеряно?..

И тут – гром гремит, земля трясётся – десант в БМД несётся. На броне сидят, палят из всех стволов. Неужто жизнь на лад пошла?!

Пару метров не доехали, замешкались – и влетел заряд точно в башню.

Бойцы с брони посыпались спелыми ягодами, кто успел – добежал до группы Николаева, на ходу раненых-«трёхсотых» подбирая...

Была «бэха» – вот и нету «бэхи».

Хорошо ещё, люди свежие, да патроны прихватили с собой. Жить ещё группе Николаева – ровно столько времени, сколько патронов этих осталось.

Рассердившись на бесцеремонный прорыв, боевики запалили пуще прежнего. Гарин, сержант-контрактник с БМД, что-то своим пацанам рыкнул, они подменили уставших николаевских бойцов, отбросили боевиков.

Пока время есть, кто-то костёр развёл, сухпай готовит – а что, война-войной, а на голодный желудок помирать неохота!

Свободные бойцы кругом сгрудились, сглатывают – голодные.

– Первый, первый, я триста пятый, – доложил по рации Николаев. – Коробочка дошла, коробочка дошла, да «чехи» её подбили нах... Парни, кто остался, с нами.

– Держитесь, пацаны. Прорвёмся мы к вам. Прорвёмся.

Осталось только дожить до этого светлого часа.

Время идёт. Огрызаются солдаты и боевики огнём друг на друга, проверяют на прочность. Хрупкое равновесие, перерыв, возможность вздохнуть.

Выпить бы, да на трезвую голову воевать лучше будет.

А вода во фляге кончается, пришлось снег топить.

Зато тушняк вкусный.

...А боевики тем временем передохнули, новой волной на штурм попёрли, Николаев сам уже в ногу словил. Слабо, осколок на излёте задел – но теперь уж не побегаешь.

– Вот и хана нам. Уже не выйдем, – выдохнул старлей, когда очередным взрывом разворотило землю метрах в пяти. Воронка получилась знатная – там неглубоко трубы какие-то проходили, канализационные, наверное.

Вызвал полкан, спросил, как обстоят дела. Получил матерный ответ, заверил, что постарается прислать ребят, и посоветовал, как появится возможность, уходить.

Николаев пообещал прилететь на ангельских крылышках – как только «чехи» тут окончателю всех перестреляют. Снова приободрил ребят и с тоской подумал, что Иринка его уже не дожждётся. И сын, что со дня на день родиться должен по срокам, никогда отца не увидит.

Давно надо было им с Иринкой имя ему выбрать, да кто ж знал.

Загнали боевики всех бойцов – а осталось их десять человек со старлеем Николаевым и Гариным – во двор одного из домов, соседние позанимали. «Чехи» палят, бойцы огрызаются короткими очередями – что ещё остаётся? Обложили их черти чеченские плотно, видать, так и полечь им предстоит здесь, среди осколков, грязного снега и воронок от взрывов.

...Вылезший из-под земли я был, верно, похож на призрак. Бледный – сколько уж под землёй провёл – и тощий, одни глазищи, поди, сверкают. А ещё мокрый и в грязи по уши. Воззрился на меня Николаев, как на видение с того света. Уж меня-то точно здесь ждать никто не ждал.

А я скакнул под укрытие стен, повалился на пол, с наслаждением выпустил из рук гвоздодёр, которым уже до крови натёр руки. В наушниках орала Янка – та единственная песня, что осталась.

Выше ноги от земли, выше ноги от земли!

– Ну здравствуй, – хриплю, – старлей. Видать, семейное это у Огарёвых – тебя спасти. Пить есть?

Он всё так же ошалело суёт мне флягу, в которой бултыхается подтаявший снег. С наслаждением выхлебал почти до дна, да половину на себя пролил.

Сам не ожидал, что так дико пить хотеться будет. Думал... впрочем, я много чего думал. Перевёл дух. Вот теперь и поговорить можно.

– Мне тут, – уже нормально говорю, а не хриплю я, – ваш полкан сказал, вы где-то здесь застряли, выбраться не можете.

– Как видишь.

Я оглядел шестерых бойцов, перемазанных в своей и чужой крови, и четырёх раненых у стены, кивнул. Вижу.

Николаев проследил за моим взглядом, как-то обречённо уже спросил:

– Что ещё он сказал?

– А? – не сразу понял я, потом сообразил. Замер на секунду, собрался с силами, поглядел старлею прямо в глаза: – Ничего он не сказал. Не до того ему. Сейчас всем тяжело пришлось.

Николаев закивал, а я подумал, что это всё-таки паршиво – когда верят каждому твоему слову. Даже такой глупости, как «полковник ваш всё рассказал по первой просьбе непонятному мальчишке».

Заполняя молчание, хлопнула неподалёку граната.

Поняв, что дальше медлить уже нельзя, я усталился на свои грязные ладони и сказал, тщательно подбирая слова:

– Я там завал разгрёб. Можно прямо отсюда, откуда вылез, далеко уйти. И на поверхность вылезти, если не завалит. Но у меня с собой гвоздодёр, крепкий, можно будет проковыряться. Так что собирайся, старлей. Отсюда прямо, на развилке направо, потом перескочить через двор – но он отсюда далеко, там может чисто быть, – и там ещё один заезд есть. А оттуда беспрепятственно долезете до моего, там по прямой всё. Это примерно где меня Рубцов выцепил вчера.

Слушают меня бойцы, как ангела Господня или галлюцинацию свою. До тех пор, пока не заматюгался отборно, по-отцовски, видя, что медлят, – не поверили. Но ангелы Господни, как

известно, не матюгаются, а галлюцинации гвоздодёром не долбают легонько по ноге – той, что цела ещё – старлея. Значит, и вправду я, настоящий. И выход настоящий предлагаю.

Зажглись лица, посветлели. Отсрочка приговора, может, доживут ещё до Нового Года.

Если, конечно, завтра их не пошлют в очередной ад.

– А трёхсотых протащить там можно будет? – первым делом спрашивает Николаев.

– Протáщите, – уверенно киваю я. – А мне оставьте автомат и пару магазинов. Прикрою.

– Ты чего, ополоумел?! Я остаюсь! – мигом от такого взъярился старлей, оплеуху закатил – я закачался, а он рычит: – У тебя невеста в Ставрополе! Тебе ещё жить и жить, пр-ридурок!

Выдержал я его взгляд, усмехнулся:

– Это тебе, старлей, жить и жить. Сына хочешь сиротой оставить... за час до рождения? Я остаюсь. Потом уползу, я же тут всё знаю.

Лгу я уверенно.

Не уползу, но Николаеву знать это не стоит.

И снова, как всегда: я не верю, а он – верит. Я говорю, он слушает... Но борется – с собой или со мной, я не понял:

– Ты... придурок! – жалобно. И взглянул мне прямо в глаза, дёрнулся вперёд, будто обнять хочет...

Отпрянули мы одновременно. Словно понял он всё.

Вот так вот, Николаев. Будешь дальше настаивать?

– Ты... – ещё жалобнее. И неловко перекрестился. И вместо споров или ещё чего только вымолвил: – О, Господи...

На этом и кончился спор.

«Идите», – мотнул я головой и отвернулся, твёрдо зная, что бойцы не ослушаются.

Мой выбор, не их – вот и всё, что я им сейчас могу дать.

– Идите! – громче. Мне же страшно, поймите и меня. Но я не отступлю: я сам это просил.

Они медлят, не понимая, борясь с собой.

– Идите... – язык солгать не повернулся, и добавлять, что догоню, я теперь не стал.

Они бы выбрали другое, каждый из них, я знаю. Не ушли бы.

Но сегодня выбираю только я, так что – простите, ребят.

Как ни крути, я – сын русского офицера.

Я люблю этот город, мою вторую родину, правда, люблю, но – я русский. И даже если весь город против вас обернулся – но не я.

Отец погиб, прикрывая Николаева...

Значит, так тому и быть.

...Бойцы собрались, подхватили раненых. Сунул мне Николаев калаш, два неполных магазина к нему – всё, что осталось. И гранату, РГД-5 – чтобы уйти как положено, когда патроны кончатся. «Эфка» лучше была бы, ну да мне и такой хватит.

Спасибо, Николаев. Я затем и здесь.

Спустились под землю, я снова повторил им маршрут, вручил незнакомому мне сержанту – тому самому Гарину, наверное, – свой любимый гвоздодёр. Сжал в руках автомат и залёг у самой поверхности.

Янка в наушниках привычно надрывалась.

Я обернулся напоследок – а Николаев медлит у поворота.

– Иди, – киваю. – В моём углу... узнаете всё, – и добавил про себя: «Только поверьте». Это единственное, о чём я вам не могу сказать.

– Я сына Русланом назову, – голос у Николаева дрожит. Эх ты, старлей... но приятно. Хоть какой-то Руслан жить будет.

...А тело Руслана Огарёва в том углу за месяц крысы уже обглодали до аккуратных косточек. Но паспорт я положил этой ночью – он почему-то со мной остался, как и гвоздодёр и кассетник, в котором теперь играла только одна песня.

Николаев увидит, когда будет там проходить. Узнает. Может, и не поверит... хотя и так уже что-то понял. Это – правда, самая настоящая.

Там валяется моё тело. Просто тело.

А Господь внял тому крику. Не будет в моей смерти никаких крыс, никаких грязных луж и вони.

Я перехватил поудобнее автомат, прицелился, лова на мушку одну из приближающихся фигур. Местный ли он, знал ли Асановых – или приехал откуда-то совершать свой «джихад» за чужие деньги?

Сейчас уже не важно.

Короткая очередь – фигурка упала.

Любит. Прости меня, Лейли.

Новая очередь.

Не любит. Я Николаеву соврал.

Плюнет. Я ждать тебя не буду, и ты не жди.

Поцелует.

Любит.

Не любит...

Выпустил из рук гранату я на «Любит».

Ну, значит, любишь, Лейли.

...Значит, будем в игры играть,

Раз-два – выше ноги от земли!

Кто успел – тому помирать,

Кто остался – тот и дурачок.

Обманули дурачка, обманули дурачка.

Выше ноги от земли. Выше ноги от земли...²

У меня две могилы.

В одном месте я умер.

В другом – погиб.

А разницу я вам пояснять не буду.

2 мая 2011 года, июнь 2020 года,

экспресс Дубна-Москва, дер. Прислон

---

² Песня «Выше ноги от земли» Янки Дягилевой

Папины сны

Цхинвал, 2008 г. – Москва, 2010 г.

«Голубая стрела» без сигнальных огней
Разбивает стекло, исчезает в окне,
Твой игрушечный поезд летит под откос,
Только это уже почему-то всерьёз...

Зоя Ященко

МОЙ ПАПА ВЕРНУЛСЯ.

Я вышел из ванной, кутаясь в папин халат. Халат был большой, как королевская мантия, а я – маленький. Ну, не очень маленький, я уже во второй класс пошёл, – но всё же меньше, чем сейчас.

В коридоре горел свет, пахло сигаретами и ещё чем-то, чему я не знал названия, но от чего внутри стало легко-легко, как воздушный шарик, как будто раньше времени наступил день рожденья. Под вешалкой стоял пыльный армейский ботинок.

Был сентябрь. Мама появилась рядом со мной, и лицо у неё было почему-то мокрое, особенно щёки. Папа улыбнулся, подхватил меня одной рукой подмышки и посадил на колени по-хозяйски поставленной на стул ноги – и я стал почти такой же высокий, как папа, а потолок – гораздо ближе, чем обычно.

– Здравствуй, Русь, – сказал папа и улыбнулся, наклоняясь мимо меня к ноге, чтобы развязать шнурки на втором ботинке. Я попытался ухватиться за другую папину руку, но нащупал только пустой рукав.

– А где рука? – спросил я.

– Нету, – ответил папа, а мама порывисто вздохнула, словно хотела задуть невидимую свечку, но передумала.

– Вот как, – сказал я.

– Вот так, – согласился папа, оставшейся рукой воюя со шнурками.

– Давай помогу, – я спрыгнул с его колена на пол – больно ударившись пяткой, но сдержался и даже не вскрикнул.

– Помоги, – улыбнулся папа. – Будешь моей второй рукой.

– Буду, – торжественно пообещал я и уточнил: – Всегда-всегда.

И я, в общем, сдержал своё обещание.

Хотя это было ужасно, ужасно непросто!

***

ПАПИНЫ СНЫ – ОЧЕНЬ НЕПРОСТЫЕ.

Я думаю, даже сто тысяч мудрецов ни в чём тут разобраться не смогут. Когда мама эти самые сны пытается понять, она начинает плакать, а папа садится за стол на кухне, достаёт из особого шкафчика свою фляжку и голубой берет – и молчит. Молчит так тяжело, что даже встать не может, хотя папа, конечно, самый сильный человек на свете. Он поднимает меня одной рукой всё так же легко, как когда я был совсем маленьким, а ведь мне уже целых десять лет.

Наверное, молчание на кухне не смогут поднять даже сто тысяч силачей со всего света, такое оно тяжёлое.

Когда на кухне скапливается столько молчания, что даже мама под его тяжестью садится, папа делает глоток из своей фляжки и поясняет:

– Они всем снятся, – это он про сны. Потом видит меня на пороге и спрашивает: – Так-так. Русь, тебе спать не пора?

И про сны маме больше ничего не говорит.

А я про них знаю. Они как кухонное молчание – тоже тяжёлые. И даже ещё тяжелее. Их нести – не то, что меня одной рукой поднимать. Тут даже сто тысяч силачей не смогут ничего сделать. И даже целый батальон... то есть, конечно, миллион силачей.

Поэтому я говорю:

– Я уже ложусь.

А папа говорит:

– Ну, спокойной ночи.

А я улыбаюсь:

– И тебе, пап. Спокойной ночи, мам.

Мама крестит меня тихонько, а папа встаёт, убирает фляжку в особый шкафчик, нахлобучивает берет мне на голову и идёт провожать.

И молчание становится всё легче и легче, а у моей кровати оно уже такое лёгкое, что поднимается под самый потолок, и папа следом встаёт на цыпочки, потягивается и грустно улыбается.

Ведь мы с ним вместе молчим, а значит, молчание для каждого легче. Вместе с папой мы сильнее ста тысяч силачей со всего света – так папа мне говорит, а он никогда не врёт.

– Спокойной ночи, пап, – повторяю я и забираюсь под одеяло.

– Спокойной ночи, Русь, – отвечает мой папа и идёт к маме на кухню.

А иногда я говорю:

– Па-ап...

И папа садится на краешек моей кровати.

– Чего, Русь? – говорит он.

И я что-нибудь спрашиваю.

Например:

– А когда мы поедem к Руслану?

Руслан папу спас на войне. И умер. Но не совсем. В смысле, совсем, даже два раза, но он всё равно остался здесь, рядом с нами с папой. Просто взял – и остался. Он очень упрямый! Говорит, это всё из-за меня.

Я его даже нарисовал – его и меня. Правда, уже давно, когда я был ещё маленький – не помню точно, какой, в садике ещё, – и поэтому вышло не совсем понятно. Наша воспитательница решила, что это не Руслан, а папа.

Но это Руслан. Ему теперь всегда пятнадцать, он улыбается, а на шее у него – наушники.

А вокруг я нарисовал его родной город, Грозный. Ну, вообще-то он говорит, это его вторая родина, а первая – Ставрополь, но это уже детали.

Грозный – это в Чечне, где папа воевал, когда я ещё только родился.

К Руслану мы один раз уже ездили, вместе с Лейли – она его невеста, но я на ней женюсь, когда вырасту. Надеюсь, Руслан не обидится.

«К Руслану» – это туда, где он спас папу.

Жалко, что его в Южной Осетии не было! Уж он-то точно сделал бы так, чтобы сны у папы не такие тяжёлые были.

Потому что о той войне, которая в Грозном, папе сны не снятся.

Или снятся, но так, что я о них не знаю...

– Весной поедem, в мае, – отвечает папа на мой вопрос, про который я уже позабыл.

В мае у Руслана день рождения.

Правда, про майскую поездку я и сам знаю. Поэтому чаще спрашиваю что-нибудь другое:

– А Инженер ведь вернулся из Осетии? Правда, вернулся?

Тут папа очень удивляется, а молчание снова тяжелеет.

– Не надо об этом на ночь глядя, – шепчет папа медленно, глядя на меня. И вдруг спрашивает: – Русь, а откуда ты знаешь, что Гарин...

Но я обычно уже сплю, поэтому не могу ответить.

Тогда папа берёт свой берет и тихонько уходит обратно на кухню. Это значит, что Гарин не вернулся. Почти как Руслан – только Руслан рядом остался, а Инженер – нет.

А иногда я ничего не спрашиваю и только говорю:

– Я – твоя вторая рука.

А папа отвечает:

– Конечно.

Или даже:

– Ну конечно.

А иногда даже:

– Разумеется, Русь! – и улыбается.

И это значит, что всё точно в порядке.

***

АРБУЗ НАДО НЕСТИ ВДВОЁМ.

Это совершенно точно.

Мы с папой его купили на рынке и несли домой.

Мы совершенно не собирались его покупать, но он был такой красивый – ровный-ровный, словно глобус, сам тёмно-зелёный, а полоски – светлые, почти совсем белые. А ещё он был почти как барабан: когда папа постучал по нему костяшками пальцев, раздалось звонкое «тум-тум». И мы с папой его купили.

Только арбуз оказался такой большой, что папа его одной рукой нести не мог, и мы понесли вдвоём – папа за одну ручку сумки, а я за другую.

И арбуз стал лёгким.

Нет, ближе к дому он мне показался уже очень даже тяжёлым, но папе-то он точно стал легче. А значит, так и надо носить арбузы. Чтобы не только папа.

Ему ведь тоже бывает тяжело, пусть он и самый сильный человек на свете.

Самым сильным сложно быть в одиночку...

Дома нас встретила мама, всплеснула руками и пошла мыть арбуз в ванную.

А потом папа резал арбуз, и мы все вместе его ели. Арбуз оказался ярко-красным и очень сладким, он возвышался в центре стола, словно полосатая гора, и я размечтался, как было бы здорово на такой горе жить. Захотел сладкого, взял ложку, забрался на вершину и черпай себе, сколько влезет. И плюйся косточками сверху.

– Как же вы его до дома-то дотащили? – удивлялась мама, а мы с папой переглянулись, подмигнули друг другу и честно ответили:

– Вдвоём!

– Прямо от рынка?!

– Честное десантное! – возмутились мы с папой хором.

– Мы с Русем вдвоём вообще ого-го! Сила, – пояснил папа.

– Сильнее ста тысяч силачей, – добавил я. Мама рассмеялась, и я уточнил: – Так папа говорит, – и с удовольствием вгрызся в сочную, ярко-красную мякоть.

А вообще, вдвоём надо не только арбузы носить.

Например, мы с папой однажды тащили целый ящик яблок с первого этажа – соседке помогали.

А ещё картошку маме из магазина.

А ещё... ещё можно много всего нести. То особое кухонное молчание, которое про папины сны. И даже сами сны.

Только это непросто очень, но можно, если очень-очень попросить про себя. Ведь сны у папы куда тяжелее арбуза. И даже целой кучи арбузов.

Так что пусть папе будет чуточку полегче. Я справлюсь, правда. Хотя бы просто видеть их – это как с молчанием. Вдвоём легче.

А что ещё тут сделать, я не знаю. Но ничего не делать – нельзя, ведь я – папина вторая рука.

Я обещал.

А арбуз мы потом целую неделю ели. И даже соседке четверть отдали, угостили.

И сны папе стало чуточку легче смотреть, я видел. А «чуточку» – это во сне очень-очень много.

***

ПАПА ПОЖЕЛАЛ МАМЕ СПОКОЙНОЙ НОЧИ.

Кровать чуть слышно скрипнула, и мама шепнула папе в ответ:

– Да уж, Игорьь, надеюсь, ночь будет спокойной.

На что папа ответил:

– Конечно, Ириш. Спи. Сегодня ночь будет совершенно спокойной.

– А завтра?

На некоторое время в комнате повисло то самое молчание, и на прикроватной тумбочке сменились цифры на часах: «10.08 00:00», а потом папа ответил – но уверенности в его голосе я не услышал:

– Конечно, будет.

...От собственного голоса майор Николаев открыл глаза. Земля дрожью отозвалась на близкий разрыв, прошелестела где-то неподалёку автоматная очередь, бьёт в глаза красное, словно кровью умывшееся солнце. Щёку оцарапало взметнувшимся песком, и слух постепенно стал возвращаться, словно кто-то подкручивает громкость в телевизоре.

Николаев шевельнул головой. Жив.

Отполз в сторону. Значит, цел... кажется.

Слух вернулся в полной мере, на мгновенье оглушив какофонией жаркого боя. Во всех смыслах жаркого, август-месяц.

– Тац командир! Тац командир! – влетает в грохот голос одного из бойцов. Заяц?

Чьи-то руки подхватывают Николаева и тащат прочь из комнаты.

– Живы, товарищ командир?!

– Жив, – успокаивает Николаев, привставая. – Контузило слегка... А так порядок.

Да, это Заяц, санинструктор.

– Точно? – заглядывает он командиру в глаза – обеспокоенный и виноватый, будто... будто... сердце майора прихватывает тревогой.

– Абсолютно, – заверяет Николаев, вытирая – размазывая по лицу – кровь и пыль. – Я долго валялся?

– Да не, сразу вытащили.

Николаев кивает, восстанавливая в памяти предыдущие события – по цепочке, шаг за шагом, словно в поисках ошибки, из-за которой всё свернуло не туда...

Подъём полка, немая тревога, постановка задачи, погрузка, Беслан – Роккский туннель – Джава – Цхинвал, марш-бросок, бой, автобаза, снова бой, попытка грузин прорваться, полк принимает решение занять круговую оборону – в ночь уходит бесполезно. Какое-то помещение... Гарин в дверях... Окно... Гранатомётный выстрел...

– Заяц!

Санинструктор тут же вскинул голову, но вместо ответа на невысказанный ещё вопрос отводит глаза.

– Инженер?.. – всё же с необъяснимой, упрямой надеждой спрашивает Николаев.

Заяц не торопится отвечать, и Николаеву самому приходится произнести горький, как пыль на губах, приговор:

– «Двухсотый».

Не «умер», потому что невозможно про Гарина сказать «умер», просто невозможно. Лучшие спрятаться за безликой чёрной цифрой.

– Не было шансов, – солдат отвернулся, и где-то внутри Николаева поднимается глухая боль и отрицание того, что случилось.

Так не бывает. Так нельзя. Глупая война, нелепая, нельзя так, нет!

«...Нет, нет, почему так?!»

Это уже я пытаюсь выкрикнуть, но получается что-то тихое, сиплое, и мир рассыпается на паззлинки – из большой мозаики на много маленьких кусочков.

Сон... Это папин сон.

Заскрипела кровать – это заворочался папа в соседней комнате.

Я сел, кутаясь в одеяло, и поглядел на Руслана. Тот только немножко грустно улыбнулся мне с рисунка.

Папа тоже сел, потом встал и на цыпочках ушёл на кухню – попить. Ночью в квартире всё-всё слышно.

Заворочалась мама, почувствовав, что осталась одна, но папа быстро вернулся и сел обратно на кровать.

– Игорь, ты же обещал спокойную ночь, – сонно сказала мама.

– Она спокойная. Я уже ложусь. Просто пить захотелось.

– Ах, просто пить захотелось? Со стонами?

– Тише, Руся разбудишь...

– Это ты его будишь своими хождениями...

– Да не виноват я, Ир, – голос папы прозвучал глухо и, вопреки его словам, виновато.

– Нет, ну скажи мне, зачем ты тот рапорт подал? Чечни не хватило?! Перевёлся же в штаб, жили как люди, ты успокоился тогда совсем, и снов этих не было, и всё было хорошо. Так нет же, как чувствовал, что это всё случится... и конечно, куда им без тебя!

– Не заводись, Ир, ради Бога... Так вышло.

– Не поехал бы в Осетию – сейчас бы спокойно спал...

– Совесть бы не дала спать спокойно, Ириш, – папа снова лёг. – Мои пацаны все пошли, а я бы остался?

– Игорь...

– Ириш.

Мама вздохнула. Папа вздохнул. Я снова лёг.

Тишина квартиры – она какая-то не такая. Словно слышны в ней глухие разрывы и треск автоматных очередей.

Наверное, это папа так слышит, особенно после этого сна. Из всех его снов этот – самый непростой. Я даже не знаю, что с ним делать – он какой-то неправильный.

Интересно, а Руслан знает?..

– Конечно, – Руслан сидит на краешке моей кровати. Из замотанных синей изолентой наушников у него на шее доносится какая-то песня.

– Конечно, знаю, – повторил Руслан.

***

ЭТО ТОЛЬКО В КИНО – ЗРИТЕЛИ.

Так сказал Руслан.

«Очень странно, – подумал я. – А как ещё чужие сны смотреть? Раз смотрю – значит, зритель...»

– А это как? – спросил я вслух. – Руслан! Руслан-ан!

– А так, – донеслось до меня чуть слышное. И смех. Руслан будто невидимым стал – он это умеет.

Ну и причём здесь кино?

Я же просто хочу помочь папе – но у меня не получается.

А потом всё становится так странно и неправильно, что я просыпаюсь. И папа тоже.

Гарина больше нет.

Именно это во сне – самое *неправильное*. И не только во сне.

Если бы он на самом деле был, а там – нет, это было бы ещё ничего. Папе так о Рубике, в смысле, капитане Рубцове снится иногда, хотя Рубика там вообще с ними не было. Но тогда достаточно проснуться – и снова всё в порядке.

Но Инженера-то нет и здесь, в обычном мире. Его совсем нет.

Поэтому всё очень непросто.

Руслан сказал, он знает, что надо делать, а больше ничего – только про кино.

– Ты спи, – велел он. И добавил: – Я всё объясню. Договорюсь... и объясню.

Но сегодня я уже ничего не увидел – папа спал без ЭТИХ снов, а свои я давно отвык смотреть.

За завтраком папа был мрачный и неразговорчивый.

Но что я мог поделать? Ведь то, что я с папой сон смотрю – не помогает. Может, это и имел в виду Руслан, когда говорил про кино и зрителей?..

Но как тогда перестать быть этим самым зрителем? Он ведь так этого и не сказал.

А сам я не знаю. И сто тысяч мудрецов не разберутся. Интересно, может, хоть Бог знает?.. Только всё равно ведь не скажет...

***

В ЭТОМ СНЕ ЧТО-ТО ПОШЛО НЕ ТАК.

Мир другой – ярче, громче, больше. В горле першит от песка. Болит разбитое колено – в самом деле болит, до слёз. Я сморгнул.

Колено болело у меня.

Не у папы.

Папы рядом вообще не было.

А ещё было жарко.

– Сюда! – Руслан схватил меня за руку и рывком затащил за груды камней, которая когда-то, кажется, была стеной. – Дурак, тут же стреляют!

Я и сам это слышал. Просто в папиных снах я так привык к этим звукам, что не обратил на них никакого внимания.

Там, где я только что стоял, взметнулся фонтанчик песка.

Мы сидели с Русланом посреди обгоревших развалин какого-то ангара.

– Руслан! Что происходит?!

– Две тысячи восьмой год, – именно так, по словам произнёс он, сосредоточенно выцарапывая осколком кирпича что-то на бывшей стене. – Одиннадцатое августа. Южная Осетия. Вон там, – Руслан махнул рукой куда-то себе за спину, – Цхинвал. А Николаев – твой папа, я имею в виду, – вон там, – взмах руки в другую сторону.

– И что я должен делать?

– А я откуда знаю?! – возмутился Руслан. – Что-то. Знал бы – сам сделал, без тебя. Один раз спас, другой, думаешь, не сдюжил бы? Ха!

– Может, это только я должен сделать? – предположил я неуверенно, с тревогой поглядывая в сторону, где, как он сказал, сейчас был папа. – Ну, его сын. Как в книжках.

– Может, – согласился Руслан, поправляя наушники на шее. На стене за ним теперь читалось кривоватое: «РАЗ-ДВА – ВЫШЕ НОГИ ОТ ЗЕМЛИ». – Но это больше похоже на чушь. В книжках. А это, – он кивнул на кипящий вдалеке бой, – книжка?

Громыкнул взрыв. Я вздрогнул и придвинулся поближе к другу. На книжку этот жаркий день, грохот разрывов и обгоревшие груды камней вокруг не походили.

– Оружие нужно, – сказал я. – Да, Руслан?

– Тебе? Ты им пользоваться-то умеешь? – Руслан смерил меня обидно-недоверчивым взглядом.

– Ну я же сколько раз видел, как папа это делает...

– А убить сможешь?

Я не знаю. Честное слово, совершенно не знаю.

Я засучил штанину уже продранных где-то бриджей, послунял палец и принялся сосредоточенно протирать ссадину от налипшей пыли.

– А умереть? – задал Руслан новый вопрос.

– А я не... проснусь? Ну, обычно...

– Это – не обычно! – отрезал друг. – Обычно и меня здесь нет! И Николаев... ты его глазами смотришь.

Возразить на это мне было нечего.

Только обидно было, что Руслан сердится и так на меня смотрит.

– Мне надо идти, – сказал я.

– Надо, – согласился он.

– А ты?

– А чего я? Меня не существует. Я умер в девяносто девятом, забыл?

Я не забыл. Поэтому только вздохнул:

– Ну ладно. Я пошёл, – и поднялся, но Руслан дёрнул меня за руку, заставляя сесть обратно.

– Не при прямо на пули! Вон, сбоку, мимо той груды.

Я торопливо кивнул и снова привстал, но Руслан опять не дал.

– Ползком!

– Ладно, – согласился я и пополз мимо развалин.

По мне стреляли. Ну, мне так показалось. Один раз даже чуть не попали – взметнувшийся фонтанчиком песок больно посёк мне лицо. Я поспешно спрятался за какой-то сгоревшей машиной.

Она была ещё тёплая. Большая такая, вроде джипа. В кабине кто-то был... Приглядевшись, я понял, что именно «был». До того, как заживо сгорел.

Я сглотнул и отвернулся.

И не такое в папиных снах видел!

Правда, теперь всё было как-то слишком... по-настоящему. Это не папин сон и вообще – не сон.

Но я сам сказал – и Руслан подтвердил, – что мне надо идти. К папе.

Пересидев немного, я высунулся из-за машины... и наткнулся на людей. Один был с автоматом, а второй – ещё и с «мухой», РПГ-18, я по папиным снам помнил, что это такое.

Они тоже собирались спрятаться за этой машиной.

А потом обернулись и заметили меня. Удивились и начали что-то говорить.

Я не понимал ни слова.

Ни словечка.

От странных, незнакомых звуков чужой речи мне стало так страшно, что я вскочил на ноги и бросился бежать, не помня ничего. Даже пули казались уже не такими страшными, как те двое.

Я нёсся с такой скоростью, что казалось – я лечу, и мир за мной не поспевает. Я влетел в какое-то здание мимо людей с автоматами... запнулся о лежащий в проходе камень...

– Мама-а! – взвыл я. Из глаз брызнули слёзы – я не хотел плакать, но они сами градом покатались по щекам.

Болели и щека, и рассаженная ладонь, и снова колено – больно-больно...

– Ой, мама...

– Эй, ты чего? Ты откуда такой взялся? – изумлённо тронул меня за плечо один из людей, мимо которых я только что пробежал.

Протерев глаза, я узнал Гарина – точно такого же, как в папиных снах, и мигом забыл о том, как всё болит. Инженер жив!..

Он ещё жив. А потом он пойдёт к папе, в окно попадёт граната от «мухи»...

– Ты по-русски понимаешь? Ты местный?

– Я... бежал, – еле выдавил я из себя.

Он жив!

– Эй, ну чего ты? Пойдём к Варягу. Заяц к нему, вроде, пошёл что-то выяснить – перевяжет.

Сам Гарин весь в ссадинах, и лоб пересекает огромная царапина, почти рана, но он к Зайцу-санинструктору – не торопится.

А «Варяг» – это папин позывной. Ещё иногда его «князь» зовут, «княже», «князь Игорь», но позывной – именно Варяг. Вот Гарин и сказал: «Пойдём к Варягу».

К Варягу...

То есть сейчас Инженер пойдёт к папе.

И взорвётся граната?!

Нет, ему нельзя!

Я вцепился Гарину в рукав, судорожно пытаюсь придумать, как ему объяснить, что идти нельзя...

А потом понял, – а может, и Руслан подсказал неслышно, – что даже если к папе не пойдёт Инженер, выстрел всё равно попадёт в окно.

Только подорвётся на ней папа, а не Гарин. Не во сне – Руслан ведь сказал, что это не сон.

– Ну чего испугался? – не так понял меня Гарин. – Залечим тебе ссадины, потом разберёмся, откуда ты такой взялся.

– Не... не надо, – всхлипнул я. – Не... нельзя. Туда нельзя! Н-никому!

– Почему нельзя? – удивился Инженер.

И взглянул на меня как-то... открыто, полностью, и я понял, что даже если всё ему расскажу, и даже если он поверит – то всё равно он пойдёт к папе. Чтобы вместо него умереть. Просто так, с вот этой открытой улыбкой. Как на праздник.

И что же я тогда должен делать?! Я-то думал, я тут, чтобы Гарина спасти!

Но тогда погибнет папа.

Не приедет домой. И я не встречу его в коридоре, кутаясь в его же халат, и он не поднимет меня одной рукой, и арбуз мы домой вместе не понесём, и ящик яблок соседке, и...

Я словно застыл – не внешне, нет, но не было сил возражать, объяснять и что-то говорить. Я безропотно позволил Гарину отцепить от себя мои пальцы, взять за руку и повести к Зайцу и папе. Я ничего не понимал, ничегошеньки, что мне делать, зачем я тут. Руслан спас папу, потому что умер. А я что? Мне только через четыре месяца, даже больше, одиннадцать лет исполнится. Я не такой сильный, как папа, и не такой смелый, как Руслан.

И что же мне теперь делать? Руслан!

Руслан не слышал – или не знал. Он, понурившись, шагал рядом с нами, но никто его, кроме меня, не видел.

Конечно, он же сам сказал: его здесь нет, он умер в 1999 году...

«Прости, – говорил его взгляд. – Я не знал, что всё так выйдет, Русь. И я не знаю, что делать, я ничего не знаю, я просто мёртвый парень из Грозного».

Господи, а кто же тогда знает?!

Но тут я увидел папу, и оцепенение прошло.

Папа был почти такой же, как дома, только чумазый весь, и руки – обе, он ими автомат держал. Папа стоял в каком-то помещении, а в окно я увидел ту самую машину, от которой прибежал сюда.

Гарин шагнул к двери, но тут во мне что-то оборвалось, словно резинка – и больно хлопнуло внутри, по груди, обжигая страхом узнавания – из папиных снов.

Сейчас!..

Опережая Инженера, я бросился к окну. «Не стреляйте!» – хотел крикнуть я. Неужели по мне выстрелят?!

Наверное, те двое, за машиной, всё же что-то заметили. Сложно ведь перепутать взрослого солдата в камуфляже и меня в жёлтой футболке и рваных бриджах.

...Красное солнце бьёт в глаза, и текут слёзы, и щиплет ссадину на щеке. Солнце садится прямо в обгоревшие развалины – алый круг среди серо-чёрного. Я опускаю глаза и вижу, что на футболке лежат такие же красные, как солнце, блики.

Страшно. Мне – страшно.

– Ру-у-ус-сь! – кричит папа одним пронзительно-шипящим звуком – диким, неверящим голосом. Папа не понимает, откуда я тут взялся, только знает, чувствует, что я – на прицеле.

Я, наверное, не такой смелый, как Руслан. Я дико боюсь.

Но выбора нет.

Не хочу, чтобы Инженер умер. Или чтобы папа умер. Или кто-нибудь ещё, Заяц-санинструктор, например...

Не хочу!

А граната всё не летит.

Может, меня увидели, а может, ещё что-то случилось.

Граната взорвалась – но за окном.

А может, и не граната, а мина или что-то ещё, но рвануло здорово. Я упал, пребольно ударившись спиной и затылком. Наверное, дальше была темнота, но я её не запомнил.

...В голове гудит, и я боюсь открыть глаза. А вдруг ничего не удалось? И нет ни папы, ни Гарина?!

Но вокруг – тихо-тихо.

Кто-то поднял меня на руки, и тут я не выдержал и тихонько заплакал. Я жив. А папа... И Инженер...

– Ты чего? Плохой сон приснился? – удивился папа, прижимая меня к себе, а потом аккуратно опустил на кровать.

Я осторожно открыл глаза и сел, ничегошеньки не понимая.

Болело колено. И рука, и немного – щека. Откуда-то в памяти возник велик, двор, соскочившая цепь...

Но в голове ещё гудело от взрыва, и руки пахли незнакомой гарью.

– Это не сон, – упрямо сказал я.

– Вот как, – удивился папа, поправляя моё одеяло. Двумя руками!

«А как иначе?» – удивилось что-то внутри.

– Эй, княже, так что за шум, а драки нет? – на пороге возник Гарин – я его даже не сразу узнал в обычной одежде, но это, конечно, был тот самый Инженер.

– Да Русь с кровати свалился.

Гарин кивнул, заходя в комнату.

– Так вот какой ты – Русь. А я – Женя Гарин. Можно Инженер, – представился он, подходя ближе. Пригляделся.

– Здравсте, – вежливо сказал я.

Он остановился.

Я улыбнулся, хотя в горле щипало. И Руслан улыбнулся с рисунка над кроватью.

Инженер узнал.

...А папины сны мне потом ещё долго снились, но нам с папой было уже легко – ведь вместе мы сильнее ста тысяч силачей со всего света.

Сентябрь 2011 года, июнь 2020 года,

Москва, дер. Прислон

Высота

Афганистан, май 1982 г.

Я хотел бы остаться с тобой,
Просто остаться с тобой,
Но высокая в небе звезда
Зовёт меня в путь...

Виктор Цой

Ветер крепчает.

Ещё недавно он нёс тебя в ладонях, а теперь треплет стонущие от его ярости деревья, мотаёт ветки, а с ними и тебя, хотя кажется, что это не ты, а земля далеко внизу раскачивается.

Хочется обратно – в мяжку, уютную тишину поднебесья.

Или хотя бы вниз.

А ты висишь – ни туда, ни сюда...

Воздух прошивает резкий, как выстрел, треск, и под сдавленное «Ой, ма-а!» земля принимает своё сбегавшее было чадо обратно.

– Ну чего орёшь, а? – раздаётся в ответ насмешливое, и рядом возникает чернявый парень на пару лет старше. – С дуба рухнул, да? Говорили же: не можешь отцепиться сам – жди, пока снимут, а не дрыгайся, а то купол порвёшь, чего непонятного, а?

Кавказский акцент не портит быструю речь, а деланная сердитость – дружеской улыбкой.

– Нет, – мрачно и избирательно отвечаешь, старательно отряхивая колени. – С «дубом» вместе, не видишь, что ли?

Парень не только видит, но и увязывает уже сноровисто стропы того самого «дуба», Д-1-5У. Отвлекается на секунду, только чтобы спросить деловито:

– Жив-цел хоть?

– Да вполне. А чего так долго искали-то?

– А нечего было на ёлки садиться!

– Да я пытался отвернуть! Это всё ветер...

– Раньше надо было отворачивать, стропы управления тебе для красоты даны, да?.. Да не переживай, не ты один «прилесился», полвыброски с ёлок снимать пришлось. Да, кстати...

Руслан.

Ты на секунду замираешь, потом радостно хватаешь его протянутую ладонь:

– Олег! А я тебя раньше не видел на аэродроме.

– А я тебя тоже. Первый раз прыгаешь?

– Ха! Четвёртый!

В твоих глазах – голубая высота, в которую так влюблён. Которую покоряешь шаг за шагом.

В понимающем взгляде Руслана – тоже.

...Здесь небо совсем не то, что в детстве. Злое, чужое, выцветшее.

Да и Олег уже не тот «с дубом рухнувший» пацан с ДОСААФного аэродрома.

И не тот жаждущий подвигов юнец с новенькими лейтенантскими погонами любимого небесного цвета, что прилетел в ДРА и задохнулся жарой с первого жадного вдоха... Афган таких, восторженных, ломает быстро, без поблажек и скидок на возраст.

Выжил – молодец. Вот тебе новая боевая задача.

И новая высота, которую предстоит покорить...

Старшему лейтенанту Огарёву не спалось. То ли в воздухе витало что-то этакое, то ли сознание пыталось убежать от тревоги за грядущую операцию – лезли в голову смутные картины сельского аэродрома, бередил память голос лучшего друга, а ноги сами несли куда-то.

Впрочем, и так ясно, куда. Говорят, в Италии все дороги ведут в Рим... В Баграме же куда ни пойдёшь – всё одно окажешься на аэродроме.

Олег кивнул знакомым бойцам, остановился в стороне и прикурил неторопливо, смакуя первую затяжку. Мир стремительно, как по щелчку, проваливался в темноту восточной ночи, зажигались огни, где-то поодаль перекликались голоса устроившихся прямо на «бетонке» в ожидании размещения солдат, прибывших последним бортом.

Перед операцией в Баграм стягивались силы, так что авиабаза даже в ночи продолжала жить какой-то своей, особой жизнью.

– Эт ты чё... святой, что ли? – выцепил слух невольно.

– Святой... Да нет пока! – энергичный голос с характерным горским акцентом заставил Олега вздрогнуть. – На всё Божья воля, да...

– Пока, значит? А потом чё? В попу подашься?

– А может и так!

– Руслан! – не выдержал Олег, окончательно убеждаясь, что это не сон, не галлюцинации, а вот он, его друг, сидит среди других бойцов, улыбается белозубо в ночном сумраке.

А потом оборачивается резко, подсакивая:

– Дуб, ты! Ой, то есть, вы, товарищ старший лейтенант! – привычная насмешка в голосе Руслана окатила тёплой волной воспоминаний.

Не смущаясь чужих взглядов, Олег сгрёб товарища в объятия, вглядываясь в знакомые, кажущиеся когда-то такими странными черты лица. И с некоторым затаённым удовольствием отметил, что наконец-то догнал старшего друга по росту.

– Ну, здорово, кунак мой. Встреча так встреча, – засмеялся Руслан, отвечая таким же внимательно оценивающим взглядом.

– И тебе не хворать, дружище! Тоже с нами, что ли? Хотя... – Олег нахмурился, перебирая в памяти известных ему «соседей» по операции, – нет, похоже. Вы когда выдвигаетесь?

– А Бог его знает, приказ пока не довели.

– Бог-то, может, и знает, но лучше б Он сделал так, чтоб нам вместе идти... – вздохнул Олег, механически крутя в пальцах потухшую сигарету. – Что Ему, сложно, что ли?

Особой религиозностью комсомолец и офицер Советской армии Огарёв – в отличие от друга – не отличался, хотя охотно соглашался с Русланом, что Кто-то там, конечно, есть... но. Но.

Из них двоих именно по-горски горячий Руслан нашёл себя в вере. Причём не в родной – среди родных нохчи Руслану искать истину было неинтересно, с неба он привык смотреть исключительно вдаль.

Разыскал он её на полке у бабушки Олеговой одноклассницы Катьки. Истина оказалась ветхой книжкой, битком набитой чудными ятями и ерами.

Книжка называлась «Евангеліе».

С Катькой у Руслана, кстати, так ничего и не вышло, но он не унывал. Главная Встреча в его жизни уже случилась.

– Нет, Ему-то несложно... – задумчивый голос Руслана вырвал Олега из воспоминаний. – Но, видать, у Него другие планы. Но ты не переживай, кунак! – Руслан хлопнул друга по плечу. – Я всё равно в душе с тобой буду, ты ж знаешь!

Олег улыбнулся и дальше спорить не стал. Зачем портить драгоценные минуты встречи пустым упрямством?

– Как там Юлька? – вместо этого спросил он чуть дрогнувшим голосом.

– А тебе что, не пишет? – хитро прищурился Руслан.

– Вдруг тебе чаще... – привычно смутился Олег. – Последнее письмо недели две назад пришло.

Смешно, но он до сих пор не мог привыкнуть к тому факту, что собирается жениться на сестре лучшего друга. То есть, в их с Юлькой взаимных чувствах он ни капли не сомневался, но перед Русланом всё время тянуло оправдываться, хотя никакой вины за Олегом не было.

Кто виноват, если у лучшего друга и сестра оказалась – лучшей на свете девчонкой?!

– Да всё у них хорошо, ждёт она тебя. Вот вернёшься, сыграете свадьбу...

– А шофером... тьфу, шафером пойдёшь?

– А позовёшь – пойду!

– А зову!

– Ловлю на слове!

И друзья, переглянувшись, рассмеялись.

Было в этом что-то дикое: вот так планировать свадьбу – посреди войны, накануне сложной операции, торча посередине авиабазы в чужой стране...

Но они же с Русланом всегда такие были – самую малость «с дубом рухнувшие». В конце концов, из самолёта с ранцем со спиной не всякий добровольно выпрыгнет! И не свяжет с этим всю жизнь – голубым беретом.

Олег спохватился и заново прикурил потухшую сигарету. Жестом предложил другу: будешь?

– Курить – бесам кадить! – со смехом мотнул головой Руслан.

– Тяжело же вам... святым, – фыркнул Олег.

– Ну хоть ты не начинай, да? Не святой я, не святой, просто не курю.

– Да чего тебе ещё для святости-то не хватает? Этого, как его... ореола над головой, что ли? – Олег, позволяя себе немного дурачества, окинул друга наигранно внимательным взглядом. – О, смотри, сияет вроде!.. А, нет, это фонарь сзади светит.

– Ну, хватит, – мягко оборвал его Руслан. И неуловимо посерьёзнул: – Все хотят святыми стать, Дуб. Но не все об этом догадываются.

– Да ну тебя... – Олег загасил окурок. – Может, чаю пойдём выпьем? Просто чаю, ты не думай, нам обоим завтра голова здоровая нужна... Отпросись у взводного своего, а?

Прозвучало как-то жалобно. Расставаться с обретенным другом не хотелось.

И думать о завтрашней операции тоже.

– Ну давай, – легко согласился Руслан. – Вон идёт, кстати, значит, ща размещать нас будут... Вещи закину – и двину, ты только скажи, куда.

У «сверхсрочного» сержанта свои преимущества... Руслан в армию именно что вернулся, спасибо дедовому благословию, отцовским знакомым и собственному бараньему упрямству, которое его выручало с детства. Такого попробуй не пустить.

Тем более, что рвался Руслан не просто «в армию»...

Он никогда не говорил, – а Олег не спрашивал, – связано ли это было с тем, что захвативший к другу в отпуск Олег похвастал поданным рапортом.

Тем самым, судьбоносным – «афганским».

... Чай горчил. Так это, пожалуй, и отпечаталось в памяти Олега: задумчивая улыбка Руслана, темнота за окном, горечь на губах – и горечь внутри, от расставания, тревоги и неизвестности.

– Давай, свидимся ещё, – обнял он товарища на прощание. Как бы ни хотелось просидеть так до рассвета, выбора не было.

Армия не знает слова «хочу», в армии есть только «надо».

– Обязательно свидимся! Береги себя, Дуб, тебя Юлька ждёт.

– Тебя тоже! – И вдруг вырвалось помимо воли: – Так что ты уж без меня не помирай, понял?

– А с тобой, выходит...

– Хватит! – Олегу самому стало не по себе.

Не накликай бы беды неосторожными словами.

– Не бойсь, Дуб! – усмехнулся Руслан. – Я тебя не брошу. Обещаю.

– Эх, был бы ты в моём взводе...

– Боже упаси!

От притворного ужаса в голосе Руслана оба расхохотались – и горечь отступила.

Обнялись ещё раз – и резко разошлись. Спиной чувствуя Русланов взгляд, Олег заставлял себя твёрдо шагать вперёд по тёмному военному городку – луна, ещё минуту назад заливавшая всё серебряным светом, скрылась за тучей.

И почти как наяву слышал вслед мягкое: «Помоги, Господи...»

Сердце беспричинно кольнуло тревогой.

Когда он обернулся, темнота уже проглотила Руслана без следа.

Ночью Олегу снится сельский аэродром. Выгоревшая трава, нагретые бетонные плиты, команды инструктора – и Руслан, как всегда рядом, как всегда лихой, загорелый:

– Ещё выше хочу! Что толку одну и ту же высоту каждый раз брать, а? Надоело!

Остатки сна, тая, смешиваются с явью – за мгновение до подъёма.

«Высоту брать...»

Здесь другие высоты и берут их по-другому.

Так что прочь лишние мысли из головы, сжал зубы – и вперёд, в новый день, в гостеприимно распахнутое чрево «вертушки».

При всей своей любви к небу, вертолёты Олег ненавидит. За напряжение каждого нерва, за чувство собственной беспомощности, пока тебя болтает в железной летающей коробке, и проплывают мимо скалы, стелется внизу до головной боли зазубренная по аэрофотоснимкам местность.

Где-то там, внизу – опасность. Враг.

Туда-то вам и надо...

Вниз, вниз! Высыпаетесь, как горох, со злыми матами, прямо под выстрелы «духов».

Вниз, стреляя по пещерам следом за открывшимися огонь вертушками.

А потом по мосту через реку – вверх! Пулемёт душманов, что поджидал у моста, подавили из АГС, переправились и – вперёд, вперёд, всё выше и дальше. Почти к самому небу, туда, где тишина и не хватает воздуха.

В горах всё просто: кто выше – тот и прав. А значит, умри, но займи высоту.

Так что вперёд, по горным тропам, по коварным склонам, в любой момент ожидая выстрелов, задыхаясь, дорожа каждым глотком воды во фляге, напрягая все мыслимые и немыслимые силы...

Олег уже ни о чём не думает, ни о маршруте, ни о душманских засадах, только знает одно: отключиться первым нельзя, он офицер, он командир. А значит, надо шагать. И шагать.

На плато вместо долгожданного «полегче» только сильнее грызёт тревога, впившись в затылок ощущением чужого взгляда – это мозг, проанализировав местность, осознал, насколько беззащитна группа, если кто-то займёт позицию повыше.

«Духи» ждуть себя и не заставили – вдарили из пулемётов с двух сторон...

Чудом и такой-то матерью отбились, даже слегка пощёлкали душманов, а там уже ночь. Глухая, горная, полная ярких, бесконечно чужих звёзд и ледяного ветра.

Завернувшись в плащ-палатку, Олег растянулся на хранящих дневное тепло камнях, подумал мельком о своём «кунаке»: как он там? Наверное, им не слаще приходится, но, может, к горцу горы будут помилосердней? Здесь не Кавказ, но...

И провалился в сон. Резко, как лампочку в голове выключили.

Снились ему горы – всё те же, что и вокруг.

Снился ему бой.

Снился ему Руслан.

Какой-то очень радостный и торжественный, словно не бой вокруг, а праздник, он кричал что-то Олегу, но Олег никак не мог разобрать за грохотом стрельбы вокруг, и от этого брала дикая досада.

– ...к Юльке! – долетело наконец. – Живи, Дуб! Уцелей! А уж я помогу, как сумею...

И вдруг наступила тишина. Та самая тишина парашютного поднебесья.

...Тут Олег проснулся, потому что кто-то тряс его за плечо. Это Сашка, радист, разыскал командира – штаб вызывал.

Солнце робко касалось лучами дальнего хребта, ветер стих, но холод царил лютый. Тело закоченело так, что двигаться почти невозможно.

Кое-как доковыляв до рации, дико клацая зубами, Олег ответил на вызов, и сон окончательно растворился в делах нового дня.

Группу ждала новая высота.

В теории, соседний взвод стоял рядом, чуть ниже, но было ясно, что, если «духи» все-рьёз накроют, оказать соседи смогут разве что моральную поддержку. Высота решает всё. Как всегда.

Олег готовился, что будет сложно, – и бойцов тряс, чтоб бдительности не теряли... но стоило на подъёме завернуть по тропке вбок, как по камням вокруг резко защёлкали выстрелы.

Всё случилось слишком быстро.

Мгновенье назад ещё шагал вверх, смаргивая едкий пот, а вот уже ласточкой ныряешь за камни, озираясь, – горы искажают звук, не понять, откуда стреляют...

Орётся на замешкавшихся бойцов...

И, оглянувшись, бессильно смотришь, как заваливается на спину сержантик расчёта АГС с дырой во лбу.

И крутится в голове горькое: «Ну чё тебе стоило пригнуться, придурок?!»

Ещё двое ранены. Радист-Сашка скрючился вокруг рации, орёт, вызывая подмогу, не дожидаясь приказа.

О том, чтобы двигаться вперёд, уже не может быть и речи. Душманы слишком хорошо засели: напротив и чуть выше, а от «соседей» Олегову группу так неудачно прикрывает скальной выступ... Значит, прорываться назад, к ним.

Огрызаясь огнём, метр за метром вниз по крутому склону.

Олегу даже не страшно почему-то – так, скорее досадно: по-глупому же в засаду влетели!

Ну ничего, сейчас спустятся, «соседи» поддержат, а там и вертушки подоспеют. А в следующий раз ночью надо будет двинуть, по-тихому... Авось «духи» не будут ждать такой наглости.

Огонь с противоположного гребня оборвал мысль.

«Передают», – помертвев, понял Олег, враз как-то очень ясно осознав свою смертность.

А потом группу накрыло следующим залпом, и Олег с ужасом понял, что, скорее всего, Юльку больше не увидит. А потом он оступился и сорвался вниз со склона, бестолково хватаясь за воздух, и мысль стала ещё короче и ярче, как вспышка сверхновой: «Всё».

В это мгновенье полёта Олегу хотелось двух равно абсурдных вещей: дёрнуть кольцо запаски – и проснуться дома, в безопасности... Но это томительное мгновенье истекло, он впечатался спиной в камни – и мир, взорвавшись сотнями искр, погас.

Увы, ненадолго.

Вернулся в этот мир Олег от следующего удара. Всхрипнув, сделал первый вдох, заново учась дышать непослушными, взрывающимися болью лёгкими. Мир вокруг плавал, непри-

ятно-громкий, и некоторое время Олег думал только об одном: *пусть это прекратится, пусть это прекратится, пусть...*

Чьи-то руки аккуратно подхватили его и втащили глубже на карниз, похлопали по щеке:

– Дуб, очнись! Очнись, кунак, я тебя прошу... – приговаривал кто-то голосом Руслана.

Олег разлепил глаза и с безграничным детским удивлением уставился на друга. А потом на пулемёт рядом с ним.

– Ты... откуда здесь?

От собственных слов в груди резануло, как ножом.

– А это важно, а? – весело спросил Руслан. – Я здесь, потому что ты здесь! И ты влип...

Олег приподнялся на локтях, смаргивая, чтобы остановить поехавший каруселью мир, и увидел, как Руслан, чуть высунувшись, меткой очередью срезал двух прущих на них «духов».

Ответные выстрелы вонзились в камень рядом, выбивая крошку.

– Вот ведь наглые твари, – вырвалось у Олега. За ним, видать, полезли – офицера захватить.

Рефлекторно потянулся за оружием, но рука зачерпнула пустоту. Автомат при падении отлетел в сторону.

Руслан дал ещё одну очередь – и резко подался назад, вжимаясь в камни.

Олег умом понимал, что этого не может быть, не может лежать рядом с ним Руслан с пулемётом и прикрывать от прущих к нему душманов. Но, тем не менее, Руслан был здесь, и сердцем Олег чувствовал, что это всё реально, столь же реально, как боль при вдохе.

– Руслан!

От резкого движения к горлу подкатила тошнота.

– Спокойно, Дуб, спокойно, кунак, не дёргайся, скоро подойдут твои ребята, и всё будет хорошо. Не волнуйся, Олег, тебя скоро заберут, и ты будешь в безопасности, обещаю... – приговаривал Руслан, снова прижимая душар к земле энергичной очередью, потом повернулся к Олегу и помог ему улечься поудобнее. Руки его были успокоительно надёжные. Мир вокруг плыл и кружился, и почему-то совсем ничего Олег не мог спросить у Руслана, ни как он здесь оказался, ни зачем...

– Ты сейчас осторожнее, – продолжал говорить с ним Руслан, – сотрясение мозга – не шутка, а ты, небось, ещё и рёбра переломал. Ты лежи, лежи, скоро твои подойдут, тебя вытащат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.